

Так точно и короны узурпатор,
Тиран воинственный иль император
С разбойником, как брат родимый, схож,
Ведь нрав у них по существу все то ж.
Раз Александр от мудреца услышал,
Что если, мол, тиран всех прочих выше
И может он законом пренебречь
И целый город для забавы сжечь
Или стереть с лица земли народец, -
Тогда он, значит, вождь и полководец;
Лишь от разбойника поменьше зла,²⁶⁹ -
Ведь шайка у разбойника мала, -
Но Каина на нем лежит печать:
Он для людей – отверженец и тать.
Мне книжная ученость не пристала,
Я не хочу, чтоб речь моя блистала
Цитатами, вернусь скорее вспять,
Чтоб попросту рассказ мой продолжать.
Ну, Фебова жена дружка позвала
И долго страсть в постели утоляла.
Ворона в клетке видела все это
И, Фебу верная, была задета.
Он изумлен был песенкой такой:
Она закаркала: «У-крал! У-крал! У-крал!»
«Я от тебя такого не слыхал, -
Феб удивился. – Ты ж умела петь.
Так отчего ж ты стала так хрипеть?
Ведь прежде ты певала так приятно.
Что значит этот возглас троекратный?»
И Фебу тут ворона так сказала:
«Не зря я столь зловеще распевала.
О Феб! Твоей не ценят красоты,
Учтивости, душевной чистоты,
Твоих забот и твоего таланта,
Того, что ты бесценней адаманта.
Мерзавец низкий честь твою украл
И в грязь ее кощунственно втоптал.
Он, этот червь в сравнении с тобою,
Бесчестил ложе здесь с твоей женою».
Чего ж вам больше? Фебу все сказала
И грубыми словами описала
Все в точности, как совершалось зло
И от кого оно произошло.
И отшатнулся Феб, и помертвел он,
И боль ужасная пронзила тело,
И в приступе невыразимых мук
Он взял стрелу, согнул могучий лук
И наповал жену свою убил,
Которую без памяти любил.
Так сделал он. Ну, что еще сказать?
Червь сожалений стал его глодать,²⁷⁰
Кифару, лютню, арфу, псалтирьон

²⁶⁹ Развитие этого мотива см. в сатирическом романе Фильдинга «The History of Jonathan Wild the Great» (1743), в «Четвертом Послании» известного французского драматурга XVII в. Ж. Реньяра и т. д.